

...Предчувствия её, действительно, реализовались, хотя начались и копились давно...

Впервые Светлана Алексеевна обратила наше внимание на, казалось бы, совершенно безобидный и даже симпатичный сюжет из жизни города... месяца три назад.

Меж зданиями редакции газеты «Восход» и типографией, под высокими тополями, зеленела ранней весенней травой небольшая полянка, которая раньше других покрывалась одуванчиками.

Её иногда облюбововали местные целительницы, состригавшие все раскрывшиеся цветы, или романтики, коротавшие время в ожидании рейсового автобуса в близлежащее село: оттуда был идеальный обзор трассы и автостанции.

Для Светланы Алексеевны этот вид из окна приёмной служил ещё и способом релаксации: устававшие от постоянного чтения неразборчивых каракулей «пишущих сотрудников» глаза требовали отдыха, и она переводила взгляд туда, где природа и погода.

В то утро её что-то особенно заинтересовало. Потому что, вопреки обыкновению, она вышла из-за стола, оставив пишущую машинку с не допечатанным текстом, и замерла у подоконника с распахнутыми настежь створками. Кто-то из авторов «срочного материала» заглянул в приёмную, чтобы поторопить машинистку:

- Готово?

-...

- Свет! Мне срочно надо! Редактор ждёт!!!

- Посмотри туда! - отозвалась она не в тему и, вздохнув о чём-то, вернулась к пишущей машинке, возобновив бесконечные её «пулемётные очереди».

Зрелище, действительно, заслуживало внимания... Мужчина средних лет, некоторое время потоптавшись на полянке, словно определял направление ветра, вдруг разулся и стал поливать ноги водой из принесённой им бутылки. Эта его непосредственность даже умилила, на первый взгляд! Наверное, где-то испачкался и в ожидании автобуса решил привести себя в порядок, подумалось. Но водные процедуры на этом не закончились: последовал тот, же гигиенический приём, но уже для рук и лица! Непосредственность стала походить на беспардонность с признаками дурного воспитания. Интрига затягивалась... Наш зрительский интерес возрастал... Когда же объект наблюдения, «достаточно очистившись от скверны», постелил специально принесённый коврик, стал на колени, а потом и вовсе уткнулся лбом в одуванчиковый ковёр, замерев в странной, даже

потешной, позе, оставив нам безраздельное право любоваться его спиной, мы недоуменно переглянулись и вопросительно воззрились на невозмутимую Исайкину. Только она могла внести ясность в происходящее. Светлана же и бровью не повела, оставив нас самих делать выводы и понуждая к дальнейшему созерцанию странного ритуала.

Ещё около получаса мужчина то вставал, оглаживая лицо и что-то бормоча, то опять опускался на землю, в траву.

- Он, что, молится?! - осенило вдруг кого-то.

- И уже не в первый раз! - изрекла Исайкина, не отрываясь от процесса печатания.

- Почему здесь-то? Люди же повсюду! А молитва, воистину, интимная беседа с Богом!

- Может, потому, что... трасса рядом... И, вы знаете, в одно и то же время! Один, и тот же, мужик. Я давно за ним наблюдаю!!! По его молитвам можно часы сверять!

Тогда мы не придали значения её словам: демократия, выпущенная, как джин из бутылки, понималась, всяк по-своему. И этот эпизод показался нам лишь одним из её уродливых проявлений, не больше...